

Как и ожидал Эдвард, не все одобрили его решение.

Конечно, никто ничего не сказал. Он был король, и если решение не влияло на национальную безопасность или национальные финансы, никто другой не имел голоса по этому вопросу. Но по их выражениям было видно, кто из них был нейтральным, кто в основном одобрял, а кто был категорически против этого.

Жена Эдварда, Синтия, была старательно нейтральна ко всему делу. Как и Элизабет, она лично не занималась таким видом спорта, но многолетний опыт научил ее, что это было необходимым снятием стресса как для мужа, так и для дочери. За эти годы она также узнала, что они оба знают, что делают, и что возражения ничего не дадут.

Это было уроком, который остальные тоже должны были выучить. Эдуард был королем, он хотел сделать это для своей дочери, и поэтому они собирались сделать это. Точка.

Тем не менее, когда два глассера отошли от Саманты, он не мог не почувствовать приступ печали. Если это было последним выходом Софи на следующие двадцать или тридцать лет, это должен был быть и последний выход Эдварда. Ответственность короля заключалась в том, чтобы подавать пример, особенно в своей собственной семье.

Единственным плюсом всего этого было то, что, по крайней мере, Элизабет больше не будет смотреть на него Тем Самым Взглядом, когда он захочет сделать что-нибудь даже отдаленно опасное. Это был взгляд, который она освоила, когда ей было восемь лет, и с тех пор она только улучшила его.

И, конечно же, после трагической и насильственной смерти ее мужа четыре года назад ее опасения за безопасность брата сопровождались дополнительным проявлением чувства вины и горя. Эдвард был бы счастлив никогда больше не видеть этот взгляд.

"Так что мы делаем, если не гоняемся?" - голос Софи прозвучал в наушниках. "Я забыла."

"Мы просто элегантно и шикарно поедем через залив Язона," - сказал Эдвард, уютно устроившись в кресле кабины и глядя сквозь прутья своей клетки безопасности. В пятидесяти метрах впереди он мог видеть Софи, привязанную к своему собственному креслу, ее красный комбинированный гидрокостюм/спасательный жилет ярко виднелся сквозь прутья клетки.

"Шикарно значит быстро, так?"

"До двухсот километров в час," - сказал Эдвард. "Мы обещали тете Элизабет, помнишь?"

"Я полагаю," - ворчливо сказала Софи.

"И никаких выкрутас, прыжков и петель," - предупредил Эдвард.

"Да, да, я знаю." Софи вздохнула. "Она действительно может лишиться всякого удовольствия, не так ли?"

"Конечно может," - сказал Эдвард. "Она заслуживает, чтобы ты не брала ее имя, когда станешь королевой."

"Что?" Софи негодуя ахнула. "Она сказала тебе это?"

"Это могло произойти в непринужденной беседе," - улыбнулся Эдвард. "Или могло прийти от

одного из твоих телохранителей."

"Они не осмелятся."

"Нет, вероятно нет," - признал Эдвард. "Но прими это как полезный совет на будущее: если ты будешь на публике, все, что ты скажешь, может в конечном итоге стать достоянием общественности. Запомни это."

"О, я запомню это, хорошо," - прорычала Софи. "И если я возьму ее имя, я буду писать его неправильно. Вот."

"Да, это наверняка ее исправит," - согласился Эдвард. Полоса диагностики на его дисплее стала зеленой. "Окей, мой самоконтроль выполнен. Как у тебя?"

"Не совсем - вот только что. Все зеленое, и баки полны. Готов быть шикарным?"

"Готов," - сказал Эдвард. "И помни: до двухсот."

С ревом и выбросом пены от подводных струй они помчались.

Это был действительно великолепный день для поездки. Эдвард начал с широкого круга вокруг Саманты, пристально следя за стилем и точностью, с которой Софи повторяла его маневры. Прошло некоторое время с тех пор, как они катались на глиссерах, и было легко потерять навыки, требовавшие большого умения и концентрации.

Но Софи прекрасно держалась за ним, и ее повороты и реакция на прыжки не выявляли никаких колебаний или чрезмерной осторожности. И поддержание их скорости намного ниже максимальных для их лодок трехсот километров в час также очень помогало.

"Так мы просто собираемся раскачивать яхту и смотреть, не сможем ли мы опрокинуть стол с закусками?" - спросила Софи, когда они закончили третий круг.

"Просто убеждаемся, что наши морские навыки вернулись," - заверил ее Эдвард. "Тритон виден на твоём навигационном дисплее?"

"Да," - подтвердила Софи. "Примерно восемьдесят семь километров прямо впереди. Полчаса, если не спешить."

"Это если мы пойдем туда прямо," - сказал Эдвард. "Помнишь, у нас есть полоса движения в пять километров."

"Мне нравится, как ты думаешь," - сказала Софи. "Значит, когда мы будем вне поля зрения тети Элизабет...?"

"Нам запрещены резкие финты," - твердо сказал Эдвард. "И полегче на поворотах. Возможно, тетя Элизабет не видит, но у Королевской Гвардии есть три истребителя сверху. И она сможет потом посмотреть записи."

"Хорошо," - сказала Софи. "Так чего мы ждем?"

"Ничего, о чем бы я знал," - сказал Эдвард. "Вперед."

И с вибрирующим скачком, когда ее гидроплан стартовал с волны, Софи сделала именно это.

Эдвард улыбнулся и занял позицию в пятистах метрах позади нее и встал в сторону. Несмотря на все ее жалобы об ограничениях тети Элизабет, Софи не превышала согласованный предел скорости, делая от ста семидесяти до ста девяносто. Ее повороты были консервативными, менее похожими на ее любимые зигзаги с жесткими точками разворота, и более похожими на плавные повороты, которые предпочли бы менее опытные гонщики.

Но при всем этом она все еще была полна решимости извлечь максимум из этого последнего приключения. Она носилась взад-вперед между границами их полосы, медленно продвигаясь к острову, получая как можно больше времени на воде, не приближаясь к Саманте.

Что она, конечно, могла сделать. У них было время, и, как Софи уже заметила, их водородные баки были полны. Фактически, как только они наконец достигли бы Тритона, Эдвард намеревался сделать несколько кругов вокруг острова, прежде чем они наконец причалят.

Саманта была вне поля зрения за горизонтом позади них, и самые высокие деревья Тритона только выглядывали из воды впереди них, когда глиссер Софи внезапно сделал небольшой поворот вправо. Мозг Эдварда едва успел засечь проблему, когда лодка сделала еще один, еще больший рывок прямо, а затем влево -

И прежде чем Эдвард успел даже открыть рот, лодка его дочери перевернулась, повернулась на бок и резко отскочила от воды.

Нет! - закричало в мозгу Эдварда. Он смутно осознавал голоса, звучащие у его наушнике - Королевская Гвардия в аэрокарах устремилась вниз к лодке, все еще мучительно скакавшей, останавливаясь.

Но они не успеют. Когда Эдвард набрал максимальную скорость и помчался к ней, он увидел разорванную часть корпуса возле топливных баков. Если танки разорвались, и водород, скопившийся внутри корпуса...

Глиссер Софи, наконец, остановился, перевернутый корпус одиноко кувыркнулся среди низких волн, когда Эдвард оказался рядом. Резкий разворот и несколько секунд полной мощности двигателей, и он плыл рядом.

Лодка была разрушена.

Софи нигде не было видно.

"Она все еще там," - крикнул он в свой микрофон, сбросил ограничители и распахнул сторону клетки. Голоса снова кричали в ухо, приказывая ему оставаться там, где он был, но они были слишком далеко, а он находился в пяти метрах от своей дочери и, черт побери его собственную глупость и гордость, если он позволит им остановить его. Он хлопнул по боку шлема, запечатал горловину, запустил аварийный поток кислорода и нырнул в сторону.

Резкое погружение в холодную воду стал шоком для его кожи, сердца и конечностей. Но он едва заметил это. В несколько быстрых гребков он подплыл к глиссеру, а неглубокий нырок привел под волны и под край его корпуса.

В слабом свете от все еще светящихся мониторов и табло состояния он мог видеть Софи. Она была в перевернутом положении в клетке, все еще привязанная ремнями безопасности, не двигаясь. Ее шлем был пристегнут, и он по индикаторам видел, что ее кислородный баллон активизировался и подавал ей воздух.

Но это аварийное оборудование теперь стало обоюдоострым мечом. Водород из разорванных топливных баков соединился с пузырьками из источника кислорода Софи. Если смесь попадет на какую-либо из горячих поверхностей глиссера, все это может превратиться в огромный огненный шар.

Кто-то в аэрокарах, должно быть, тоже заметил пузырьки. Голоса снова кричали в ухо Эдварда, приказывая ему уйти.

Но он был здесь, а они нет, и у него было только несколько секунд, чтобы вытащить Софи. Он поплыл в кабину, открыл клетку и расстегнул ее крепления.

Он маневрировал, вытаскивая ее из сиденья, когда глиссер взорвался.

* * *

Единственное предупреждение о том, что что-то не так, было, когда двигатели Саманты внезапно включились, и пассажиры сталкивались друг с другом, перилами и палубной мебелью.

Первой мыслью Трэвиса было то, что аэрокары Королевской Гвардии и прикрывающие сверху истребители обнаружили некоторую угрозу, от которой уходила яхта. Взгляд вверх, казалось, подтверждал это: несколько машин охраны сломали строй и помчались вперед к острову на полной скорости. Очевидно, происходило что-то смертельно серьезное.

И затем, сквозь низкий рев ветра и шипение носа Саманты, разрезающего воду, он услышал отдаленный грохот взрыва.

"Мы не возвращаемся," - пробормотала Лиза, сжимая его руку одной рукой и перила, на которые их бросило, другой. "Они движутся вперед, и мы движемся вперед."

Трэвис почувствовал, как сжался его живот. Она была права. Если аэрокары летели к источнику опасности, а Саманта не двигалась в противоположном направлении...

"Пошли," - сказал он, беря ее за руку.

Вместе они поспешили вперед, прокладывая себе путь через других гражданских лиц и флотский персонал, которые пришли к такому же выводу. Они были в двадцати метрах от носа, когда Трэвис уловил блеск металла, когда пара аэрокаров села на воду.

Там, куда направлялись король и наследная принцесса.

Кто-то ахнул. Кто-то выругался. Затем все замолчали. Сели еще несколько аэрокаров, и с неба упали истребители, как охотившиеся скопы, а Саманта продолжала мчаться вперед.

Но было слишком поздно. Глубоко внутри Трэвиса было колодное, горькое понимание того, что было слишком поздно.

"Трэвис?" - пробормотал голос, дрожащий в напряженной тишине.

Он повернулся. Лиза стояла рядом с ним, ее тело было прижато к его боку, ее рука сжимала его. Ее глаза блестели от слез, когда она смотрела на море впереди.

Ее лицо расплылось, и Трэвис понял, что тоже плачет.

А потом где-то впереди кто-то заплакал.

* * *

Элизабет была на мостике, разбирая маленькое недоразумение с поварами в Домике, когда пришло сообщение о катастрофе. Через пять секунд она приказала Саманте развить максимальную скорость и вызвала охранника, чтобы немедленно привести Синтию на мостик.

Жена короля прибыла, с лицом, наполненным страхом и ужасом, когда аэрокары начали отчаянную посадку впереди.

"О, Господи," - пробормотала Синтия, ее глаза уставились на горизонт, когда Элизабет поспешила в ее сторону. "Господи. Элизабет - пожалуйста, Господи."

Все хорошо, были первые слова, возникшие в голове Элизабет. "Я здесь, Синтия," - сказала она вместо этого.

Потому, что не было ничего хорошего. Ни на небе, ни в аду не было способа, чтобы все было хорошо.

И они обе знали это.

Они стояли, молча держась друг за друга, когда пришли рапорты.

Один глиссер полностью разрушен.

Другой глиссер - только внешние повреждения от взрыва.

В течение нескольких минут Элизабет смела надеяться. Призывы Синтии к Богу начали приобретать предварительный намек на благодарность.

Но в тот день надежды были напрасными. Через пять минут пришла последняя ужасная новость.

Наследная принцесса Софи. Мертва.

Король Эдвард. Мертв.

Рядом с Элизабет Синтия повернулась в объятиях своей невестки и рухнула в полном и безудержном рыдании.

Элизабет прижимала женщину к себе, ее сердце разбилось в ней. Перед ее глазами мелькнули сотни воспоминаний: воспоминания о ее брате и племяннице, о смехе, гневе, любви и слезах. Воспоминания, которые теперь навсегда потемнели.

И пока слезы Синтии текли в безутешном горе, Элизабет удивлялась, почему она сама не плакала.

Она не любила своего брата и племянницу? Конечно, любила. Она не любила Синтию достаточно, чтобы разделить ее страдания? Конечно, любила.

Поток движущегося воздуха коснулся ее щеки. Рядом с ними стоял полковник Петров Джексон, глава Королевской Гвардии, его лицо было как вырезанным из гранита. "Да, полковник?" - спросила Элизабет. Ее голос, казалось, был под необъяснимо сверхчеловеческим

контролем, как и её слезные протоки.

"Майор Фелтон сообщает, Ваше Высочество," - сказал он тихо. "Домик готов, если только вы не предпочитаете вернуться в Лэндинг."

Элизабет с трудом сглотнула. Почему она должна решать?

Хотя ясно было, почему.

"Мы продолжим двигаться к Тритону," - сказала она ему. "Это ближе и... более уединенно. Присмотрите за... вы понимаете? Нужны ли какие-то приготовления?"

"Я понимаю, Ваше Высочество," - сказал Джексон. "Есть что-то, что я могу для вас сделать?" Его глаза дернулись к Синтии. "Для вас обеих?"

Элизабет погладила волосы Синтии. "Нет, спасибо. Может быть позже."

"Да, Ваше Высочество." Что-то нечитаемое мелькнуло на лице Джексона. "Ваше Величество," - поправился он с легким поклоном. Развернувшись, он направился к коммуникационной панели.

Оставив свои последние слова шептать в голове Элизабет.

Ваше Величество.

И тут внезапно она поняла, почему не плакала.

Жена Эдварда могла оплакивать своего покойного мужа. Мать Софи могла оплакивать свою покойную дочь. Звездное Королевство может оплакивать их обоих.

Но не Элизабет. Еще нет. Не так глубоко, как она хотела.

Потому, что жизнь королевы ей не принадлежала.

Больше не было Элизабет Винтон-де Куэрос. Существовала только королева Елизавета Вторая.

Никогда в жизни она не чувствовала себя более одинокой.

<http://tl.rulate.ru/book/32566/740958>